

спасут. Эти из огня, из воды вынесут, поделится последним сухарем и, защищая тебя, твоих детей, страну, не задумываясь пойдут в пекло боя.

И пошли.
... После артышколы, получив звание комвзвода в 17-ом артполку, а вскоре и командира батареи, Черняховский заочно заканчивает среднюю школу. Тогда многие получали образование на ходу. Страна спешила.

Еще будучи курсантом, Черняховский женился. На Анастасии, Асеньке ясноглазой. В 1929-ом у них родился первый ребенок — Нилуся. Полное имя — Неонилла. Тогда любили, чтоб красиво. Но имя, кстати, из святых, христианское.

Средняя школа и любовь к артиллерии открыли перед молодым командиром замечательную перспективу. Его направили в Ленинградскую военно-техническую академию, а затем перевели в Москву, в Академию механизации и моторизации РККА (бронетанковую), которая немного позже стала носить имя вождя. Жители Лефортова хорошо знают это здание с рядом колонн.

Но до этого произошло событие, которое едва не стоило Черняховскому военной карьеры, а, может быть, и жизни. Впрочем, для него это были единые понятия.

В конце двадцатых годов Иван Данилович приехал в родное село. На людей посмотреть и себя показать. Вполне понятное желание для человека двадцати с небольшим лет.

Землячки, конечно, ахнули. Давно ли бегал по полям и в дождь, и в стужу голоногим за неимением обуви, давно ли босяковал, как любой другой круглый сирота, а тут — комбат, пушками командует, высокий, ладный, красивый, в диагональных галифе, в командирской, тонкого сукна гимнастерке, с красной звездой в черном наруканном клапане и с тремя кубарями в петлицах. По старым понятиям — поручик, не меньше.

А главное — сапоги. Сапоги всегда были в нашей старой деревне признаком зажиточности, успеха. Особенно если с калошами. Но тут командирские, кавалерийские сапоги-вытяжки, голенище в одно целое с передом и под самое колено в обтяг ноги. И — блестя!

Где восхищение, там и зависть. Нашлись люди, написали письмо. Что, дескать, скрывает пан Черняховский свое социальное происхождение. Мол, подлинный батько его — пан Новинский. А доказательство — рождение младшей сестры Насти в то время, когда конюх Данила воевал у Брусилова. Если Настя от Новинского, то, стало быть, и Ваня. Ну и все такое прочее про чуждый дух.

Письмо отыскало Черняховского уже в Академии моторизации. Начальство испугалось, дало делу ход. На всякий случай из партии исключили и запретили посещать занятия.

На минуточку представьте состояние молодого человека, перед которым открылся огромный мир, для которого армия стала семьей. И вдруг — стоп. На улицу!

Да, такие были времена. Как говорится, противоречивые. И, несмотря на смехотворность обвинений, совсем не шуточные.

К счастью, тогда для подобных случаев существовало некое противоядие. Бюро жалоб Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции. И сидела там заведующей Мария Ильинична Ульянова. К ней и попал Черняховский на прием. Друзья привели.

Надо сказать, положение будущего полководца усугублялось тем, что на занятиях Иван Данилович позволял некоторые критические замечания. В частности, по поводу авантюрного похода в Крым дивизии (а точнее армии) Павла Дыбенко в 1919 году. Заметим вскользь, критика совершенно справедливая, так как купание в море нагишом Дыбенко вместе с Александрой Коллонтай отнюдь не оправдывало кампанию, против которой резко выступал и сам Ленин. Уже через два месяца Дыбенко, одеваясь на ходу, выбежал из Крыма, подгоняемый довольно слабыми силами Слащева.

Не показались Ивану Даниловичу убедительными и успехи прорыва во врангелевский Крым дивизии Блюхера в 1920-ом, так как потери при лобовом штурме Турецкого вала были чудовищны. Черняховский уже тогда не уважал военачальников, которые не считались с потерями.

Такая критика была опасна, и будь Иван Данилович поосторожнее, поосторожнее, он бы ничего подобного не позволил, так как Дыбенко в это время командовал войсками Приволжского округа, а Блюхер — Особой Дальневосточной армией. Но Черняховский был не просто храбр, он, случалось, проявлял некоторую бесшабашность. У гениев трудолюбие и дум высокое стремление всегда сочетается с долей легкомыслия, что заметил еще Сальери, когда журил Моцарта.

Мария Ильинична, человек аппаратный, сразу поняла, что дело не такое шуточное, как могло показаться, и создала комиссию, которая первым делом поехала под город Тульчин и выяснила, что Иван Данилович человек полностью пролетарский. И в Академии его горячность объясняется любознательностью.

В общем, восстановили Черняховского по всем параграфам.

В МАРТЕ 1941-го Иван Данилович уже полковник (ромбик в петлице) и командир 28-ой танковой дивизии 12-го мехкорпуса, хотя всего лишь год назад был капитаном и командовал легкотанковым батальоном. Разумеется, в его продвижении сыграла свою роль армейская чистка 38–39-го годов. Но Черняховский — это еще не образец стремительной военной карьеры. По его способностям он мог бы рассчитывать на большее. Его одноклассник Кашуба в 41-ом стал генералом.

Думается, история с письмом все еще играла роль тормозящего парашюта. Давайте на миг отвлечемся от службы Ивана Даниловича и вспомним о кадровой “чист-

под командованием 23-летнего юноши, сына провизора Ионы Якира. Никто не обращает внимания, что начальником штаба у Якира сам легендарный адмирал Александр Немитц, профессионал высочайшего класса. Вскоре Немитц уходит в тень, и звезда Якира, недоучившегося студента, одна сияет на небосклоне славы.

Почти у всех наших “маршалов” той поры мы находим этих, ушедших в тень, советников (а на деле вершителей), истинных виновников успехов.

Надо отметить, что во время свирепой чистки Сталин почти не трогал этих советников. Он убирал лишь звездных мальчиков Троцкого, которые заняли места убитых героев. Как говорится, тем же по тому же.

Время, конечно, тяжелое, но любопытное. Для историка. Для того, кто не хочет все валить на одного злодея, неизвестно откуда взявшегося.

Этот злодей, который 17 раз смотрел “Дни Турбиных” и не позволил уморить автора голодом, конечно же, втайне хранил любовь к “старой”, Русской армии, ее традициям. Из скорлупы, созданной отвердевшими, омертвевшими интернационалистскими идеями, он выкопывал патриотическое национальное ядро.

Это не могло произойти сразу и безболезненно. Не дали бы. Задали. Это происходило в борьбе, где победитель не брезговал никакими средствами, помня о судьбе тех, кто был побежден когда-то.

В 1934 году Сталин пишет письмо членам Политбюро (заметьте, вначале узкому кругу) “О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”. Впервые Сталин выступает против классика. Дело в том, что Энгельс в этой статье обрушился на Россию. С точки зрения “интернационалиста” он пишет об агрессивности русских. О том, что они природные завоеватели, а дипломаты их — “просто шайка”. “Война с царской Россией есть война освободительная”. И, мол, как только царизм рухнет, “опасность мировой войны исчезнет навсегда”.

Сталин решается возразить. Он уже окреп для этого. Он восстанавливает уважение к национальным героям — Кутузову, Суворову, Ушакову, Александру Невскому — чьи имена было просто опасно упоминать с уважением.

Через год после статьи Сталин возвращается на военные парады казаков с их чубами, фуражечками набекрень и красными лампасами. Он с улыбкой глядит на “маршалов”, которые потрясены увиденным. “Маршалы” привыкли думать, что хороший казак — это мертвый казак.

Он возвращает и старые звания. Правда, из-за этого в 41 году происходит путаница в командирской среде: генерал-майоры, генерал-лейтенанты натыкаются на комбригов, комкоров и комдивов, оставшихся от 40-го года.

Ах, время, время, времечко... Нелегко о нем судить. Впрочем, судить всегда трудно. Это — процесс.

К июню формирование новых командных кадров не завершено. Но из этого отнюдь не следует, что старые воевали бы лучше. Хотя, повторюсь, над судьбой их стоит искренне погоревать.

И ТАК, 22 июня 1941 года, местность чуть южнее Шяуляя, еще недавно бывшими Шавлями, 28-ая танковая дивизия: 200 машин, почти все устаревшие БТ-7 и Т-26, разбавленные несколькими массивными Т-34 и КВ.

Черняховский получает приказ контратаковать вторгнувшегося противника. Начинается танковое сражение под Шяуляем, на той первоначальной “войне неизвестной”. Гигантское по масштабу, с участием нескольких тысяч танков. До этого подобных сражений не было.

История знает несколько броневых столкновений такого размаха. Сражение под Дубно, происшедшее чуть позже, превзошло Шяуляйское. Через два года состоялась самая мощная битва стальных машин на Курской дуге. И лишь на четвертом месте по масштабу стоит Эль-Аламейн, многодневный бой в египетской пустыне, хотя англичане, победившие немцев, считают его крупнейшим в истории.

Шяуляя и Дубно у нас не помнят. Потому что там мы потерпели сокрушительное поражение, столкнувшись с более подготовленным противником. Одна деталь: у нас были снабжены рациями лишь танки комбатов, у немцев все до одного.

Немцы не очень-то надеялись на свои 37-миллиметровые противотанковые пушочки, прозванные “колотушками”. Они поставили их для заклятия и для затравки, а сами били из новейших 75-миллиметровок, которых наши танкисты прозвали более почитительно: “змеи”.

Это из-за длинного ствола и дульного тормоза, похожего на голову гадюки или кобры.

Мгновенно переходя к обороне (чего мы не умели), немцы заманивали наши танки в огненные мешки. Сверху наваливались “лаптежники”.

В общем, после безумных атак у Черняховского остались 4 танка БТ-7, 3 — Т-26 и 1 — КВ. Дивизия растаяла. Только за один день 25 июня погибли 83 танка. Весь 12-й мехкорпус был переведен в резерв. У Черняховского оставалось уже три машины.

Редкий случай: дивизия стала именовать пехотно-танковой. Причем пехота состояла преимущественно из бежавших красноармейцев, которых подобрал и пересортировал Черняховский.

Все это, как говорится, цифры и факты. Но поставьте себя на место командира. Дивизия — его семья. Всех членов экипажа он хорошо знал, со многими дружил. И почти все эти люди вместе с боевыми машинами сторели у него на глазах. Заживо. Посланные им, чтобы победить и не отдать врагу ни пяди родной земли.

Он выдержал. Не свалился в истерику. Не застрелился. Хотя осознал долю своей вины. Скачок из комбата в комдивы был слишком быстрым.

Ошметки его дивизии дрались под Сольями, на Новгородчине. Сольцы — первый город, который Манштейн, тогда командир 56-го немецкого мехкорпуса, отдал после занятия. 8-ая танковая дивизия Манштейна ушла на переформирование, другие были потрепаны. Выручила будущего фельдмаршала свежая танковая дивизия СС “Мертвая голова”.

Под Сольями были захвачены ящики с немецкими химическими снарядами и инструкция об их применении. Это был очень важный трофей. Сведения о нарушении конвенции поступили к англичанам и американцам. Те пригрозили сбросом химических бомб на немецкие города. В результате Германия, обладавшая колоссальными запасами этого грозного оружия, не осмелилась применить его до самой капитуляции. Исключая использование дымовых шашек в каменоломнях Аджимушка и других подобных местах.

Затем Черняховский защищал Новгород, собрав разрозненные группы бойцов. Он дрался среди древних соборов, получив приказ задержать немцев на сутки. Продержался трое.

...В конце августа Иван Данилович свалился с ног, хотя не был ранен. Судьба берегла его даже в те минуты, когда он ходил в контратаки в общих целях, взяв трофейный автомат. К этому времени он уже был генерал-майором: даже в те страшные путанные дни заметили его стойкость, отвагу и инициативу.

Биографы пишут, что его положили в госпиталь из-за воспаления легких. Сомневаюсь в диагнозе. Причиной болезни послужило крайнее нервное и физическое истощение, что было стыдно по тем временам признавать. Он падал в обмороки.

За два месяца боев Черняховский потерял почти 20 килограммов веса, хотя до того был по-спортивному поджарым. Танкисту иначе нельзя. Не было сил и времени побориться и помыться, он оброс партизанской бородой. Однажды сползли с руки и разбились часы.

Три недели он провел в госпитале. По-видимому, это был известный огромный госпиталь на селигерском острове Столбный, где находится знаменитый некогда монастырь Нилова Пустынь. Там, в братском корпусе, в одной из “генеральских келий”, провел Иван Данило-

ЧЕРНЯХОВСКОГО

ке”. Разумеется, жестокость не имеет оправдания. Но Сталину было у кого учиться. В свое время Троцкий ликвидировал почти всех военачальников времен Красной гвардии, времен стихийного создания вооруженных сил и партизанщины.

Тогда отряды и целые соединения строились не в соответствии с единоначалием и строгой дисциплиной, а по принципу вождизма и батькизма. “Веди нас, батько, а мы за тобой хоть в огонь”. Просто уволить таких людей было невозможно, да и опасно. Троцкий с помощью эсера Блюмкина, возглавлявшего секретную службу Реввоенсовета, приступил к ликвидации неугодных. Напомним, что Яша Блюмкин, он же Авербах, он же Белов, работавший некогда на томатном заводе у Фальцфейна и потому прозванный еще и “Помидорником”, считался специалистом по тайным убийствам с 1918 года. Тогда он вместе с восторженным матросиком Колей Андреевым угрожал германского посла Мирбаха (убивал, кстати, Андреев), что очень дорого обошлось республике.

Блюмкин был быстренько выпущен из тюрьмы и отправлен в Киев организовывать покушение на немецкого командующего Эйхгорна — правда, чужими руками. Матросик же куда-то загадочно исчез. Навсегда.

Настала очередь своих. Действительно — очередь. Пулеметная. Погибает “красный батька” Боженко, затем князят командира Сводного кавалерийского корпуса Думенко, убивают командира 1-ой Украинской дивизии Шорса, командующего Второй Конной Миронова; список длинный. Когда Блюмкина командуют в Сибирь и Монголию, наступает очередь здешних партизанских вожаков-батеков: Щетинкина, Кравченко и Сухэ-Батора. Всего было уничтожено свыше двадцати крупных командиров. Я не оправдываю и не обвиняю Троцкого и его серого кардинала Склянского. Я говорю: сделали. Может быть, во имя блага.

Троцкий, которому по праву принадлежат лавры создателя Красной Армии (его Армии), умело выдвигает взамен исчезнувших своих “маршалов”. Он рассчитывает на них в борьбе за власть. Гремит имя Александра Егорова — победителя Деникина. Все быстро забывают, что эту победу сотворил, выманив Деникина к Орлу и подрывив фланги длинного белого “языка”, некто Владимир Егорьев, генерал-лейтенант старой армии, выученик русского Генштаба. Егорьев уходит в тень, на тихую работу, уступив место герою Егорову.

Газеты трубят о замечательном, фантастическом походе сквозь вражеские тылы войска